

А. А. Смирнов

КУБОК

Минул год после окончания военных действий в Европе, дипломаты состязались на Венском конгрессе в защите интересов своих государств, а герой Кульмского сражения генерал-адъютант А. И. Остерман-Толстой маялся без конкретной должности. Именно тогда, весной 1815 г., делегация богемских (чешских) женщин передала через российских дипломатов для вручения Александру Ивановичу дарственный кубок. Такова была чешская народная традиция: героев награждали драгоценным кубком именно женщины, но не как представительницы любви и красоты, а как хранительницы семейного очага, рода и нации.

Кубок был выполнен из серебра, вызолочен внутри и украшен богемскими камнями-самоцветами. Отверстную крышку венчал гербовый сидящий богемский лев со щитом в передних лапах и короной на голове. В щит был вмонтирован большой гранат. Стенка верхней цилиндрической части кубка была гладкой. Внизу ее завершала рельефная золотая надпись по кругу: «VDATNEMU OSTERMANOWI OD CESHVN.K.PAMIETI. NA CHLUMEC DNE 17/29 SRPNA 1813» («Храброму Остерману от чешских женщин в память о Хлумеке (Кульме) 17/28 (29) серпня (августа) 1813»). Чеканные изображения амуров с лирами, маскароны и цветы украшают нижнюю часть кубка. На торцах шестнадцати граней подставки вырезаны названия чешских уездных (районных) городов: «Bodiegowice. Prachin. Katowu. Plzen. Loket. Zatec. Rakownik. Beraun. Kaurim. Litomierice. Boleslaw. Bydcow. Hradec. Chrudim. Caslaw. Tabor» (Будеговиц, Прахин, Клатова, Пильзен, Локет, Жатец, Рокавник, Берауны, Коурим, Литомерице, Болеслава, Быдзов, Градец, Хрудим, Часлов, Табор). Имя мастера, создавшего этот прекрасный памятник, и клеймо г. Праги вырезаны на серебряном медальоне, припаянном снизу к основанию ножки кубка: «Yos. Forther Fecit. Prag 1814» (Иозеф или Иосиф Фортер, далее название специальности мастера, Прага 1814). Так как клеймо выполнено очень мелкими буквами, некоторые читают его как: «Jos. Fortner. Fecet». Тогда фамилия будет читаться как Фортнер.

«В письме, сопровождавшем кубок, дамы благодарили графа, как главного предводителя в знаменитой битве и желали, чтобы дар их напоминал ему день славы его, и сделался залогом его здоровья и благоденствия»¹, – свидетельствовал историк А. И. Михайловский-Данилевский, современник событий.

Получив письмо и кубок, Остерман-Толстой обратился к начальнику Главного штаба П. М. Волконскому: «Принять сего подарка без соизволения Его Величества, полагаю я, не должно, а потому и прошу вас при удобном случае доложить. Признаюсь: подарку крайне удивляюсь; Почему? И на что? И за что? Но от старой привычки мудрено отстать: барышни предлагают – как отказать? К тому же сие может послужить на память тем, которые в тот день работали».

Вскоре Волконский сообщил, что император благосклонно отнесся к принятию подарка Остерманом-Толстым. Узнав об этом, граф написал императору: «Всемиловейший Государь! Богемия, в ознаменование подвига, которым гвардия Вашего Императорского Величества покрыла себя и Россию бессмертною славою, прислала мне кубок, украшенный разными камнями своей земли. Я, назначив на оном имена полковых командиров, в сем деле участвовавших, и обер-офицеров, лишившихся при том жизни, священною обязанностью поставляю поместить тут же коренное русскаго народа мнение: За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают. Всеподданнейше прошу Ваше Императорское Величество позволить сей кубок отдать в Преображенский полк на сохранение, и Всемиловейше повелеть, дабы оный отныне навсегда каждый Великий Пост подаваем был в полковой церкви после приобщения Святых Тайн нижним чинам с теплотою, вместо сосуда, Греко-российской церковью при сем случае употребляемаго».

В ответ государь удостоил графа следующим рескриптом: «Поднесенный вам от богемских жителей кубок, украшенный сея земли камнями, есть приятное для отечества нашего свидетельство чистосердечной благодарности сего народа, за отвращение от него опасности безсмертным при Кульме подвигом Российской гвардии. Я в полной мере одобряю испрашиваемое вами в письме вашем распоряжение о сем кубке, но не могу оставить без замечания, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшим в сем знаменитом сражении воинам, забыли себя, тогда, как вы в оном предводительствовали и потеряннием руки своей купили победу: обстоятельство, умолченное вашею скромностью, но незабвенное отечеством, и которое, конечно, не престанет твердиться в устах потомства».

Одновременно император направил свой рескрипт от 21 февраля 1817 г. командиру 1-й гвардейской дивизии, в состав которой входил Преображенский полк, генерал-лейтенанту Розену: «Барон Григорий Владимирович! Из приложенного при сем от генерал-лейтенанта графа Остермана ко мне письма усмотрите вы, что он получил от богемских жителей кубок, украшенный сея земли камнями, и что начертан на оном имена полковых командиров, участвовавших в знаменитой одержанной нами, при Кульме, в 1813 году над французами победе, и також имена обер-офицеров, лишившихся в сем сражении жизни, желает, чтобы сей кубок хранился в полковой Преображенской церкви и отныне навсегда употребляем был по великим постам, вместо сосуда, ставимаго по нашим обрядам с теплою, для исполнения из онаго участниками, после приобщения Святых Тайн.

Он испрашивает на то Моего согласия. Я с великим удовольствием приемлю на себя исполнение сего благочестиваго распоряжения его, тем более, что кубок сей свидетельствует вместе, как бессмертную славу, каковою на полях Богемии увенчалась храбрая наша гвардия, так и чистосердечную благодарность богемскаго народа, избавленнаго ею от угрожавших ему бедствий. Мне весьма приятно видеть, что столь к достойному в сем знаке соединению двух величайших добродетелей: Благотворения и благодарности, присовокупляется еще и благочестивое желание посвятить оный Тому, пред Кем сердце наше при всех громких деяниях и славе человеческой, долженствует благоговеть и сокрушаться. Да будет кубок сей всегдашним знаком и свидетелем совокупления сих высоких доблестей. Да испиением из онаго теплоты напоятся чувства народные теплым усердием к Верховному Владыке и Спасителю народов!

По сему отношению ко Мне графа Остермана, здесь вложенному, изъявил Я ему, яко предводительствующему в сем знаменитом сражении и лишившемуся в оном руки своей, согласие Мое особым к нему рескриптом, с коего список при сем прилагается. Вам же повелеваю кубок сей от него принять, в полковой церкви хранить и по предписанному употреблять.

Пребывая вам благосклонный Александр»².

После получения этого рескрипта гладкая поверхность кубка была декорирована орнаментом колонок и гирлянд, разделявшим поверхность на шесть участков, на которых были гравированы имена командиров гвардейских частей и умерших офицеров – героев Кульмского сражения с сокращением названий их должностей и чинов:

«Див[изионный начальник] г[енерал]-л[ейтенант] Ермолов и командиры полков:

Преоб[раженского] барон Розен.
 Семен[овского] Потемкин.
 Изм[айловского] Храповицкий.
 Егер[ского] Бистром.
 Экип[ажа Гвардейского] Карцев (Карцов).
 Убиты.
 Преоб[раженского]
 Кап[итан] Потулов.
 Пор[учик] Барклай де Толли.
 Прап[орщик] Ушаков.
 Убиты.
 Семен[овского].
 Полк[овник] Ефимович.
 Кап[итан] де Морте.
 Пор[учик] князь Броглио.
 Пор[учик] Чечерин. (Чичерин).
 Прап[орщик] Арауджо.
 Убиты.
 Измайл[овского].
 Кап[итан] Ухов. (Уков).
 Пор[учик] Чагин.
 Прап[орщик] Скаржицкий. (Скоржинский).
 Прап[орщик] Жолобов. (Жолубов).
 Убиты.
 Егерск[ого].
 Полк[овник] Пенский.
 Ш[табс]-к[апитан] граф Воинович. (Войнович).
 Ш[табс]-к[апитан] Ушаков.
 Убиты.
 Экип[ажа]
 Лейт[енант] Константинов.
 Шк[ипер] по 14 кл[ассу] Поспелов».

Замечу, что в списке погибших указаны не только обер-офицеры, но и два штаб-офицера. Кроме того, не все перечисленные в числе убитых обер-офицеров были убиты именно в сражении под Кульмом. Шестеро из них были тяжело ранены, лечились, но скончались в Пражском госпитале и были похоронены на военном кладбище. Их фами-

лии выбиты на общем памятнике умершим офицерам. Это Чечерин, Арауджо, Чагин, Скаржицкий, Войнович и Ушаков.

Тогда же, когда на кубке гравировались фамилии погибших офицеров и командиров полков, по венцу кубка блестящими мелкими розочками была выложена надпись: «За Богом молитва, за Царем служба не пропадет». «Нам неизвестно имя ювелира, которому была поручена эта почетная и ответственная задача. Но несомненно, что этот неизвестный петербургский мастер проявил большое художественное чутье. Добавленные им в верхней части чаши украшения и надписи ничем не нарушили строгой красоты сосуда, с формой и орнаментом которого они гармонично увязаны. Если бы не знали истории его переделки, можно было бы думать, что перед нами кубок в том виде, каким он был первоначально задуман пражским серебряником»³, – справедливо заметила искусствовед Н. Г. Платонова в 1962 г.

До того как стать музейным экспонатом, кубок с крышкой сначала помещался на надкаминной мраморной плите в большом зале петербургского дома графа рядом с вазой из сервского стекла с гравированным изображением Кульмского сражения, подаренной Александру Ивановичу императором Александром I. Интересная деталь – надкаминную плиту поддерживали с боков фигуры двух гренадеров лейб-гвардии Преображенского полка, снявших графа с лошади после ранения под Кульмом, с портретным сходством. После доработки кубок был передан в Преображенский собор всей гвардии в Санкт-Петербурге и стоял у главного придела, на южной стороне переднего левого большого пилона, на хрустальной доске под стеклянным колпаком.

Кубок не демонстрировался на выставке, устроенной Музеем 1812 года в Историческом музее Москвы к 100-летию Отечественной войны 1812 года. Вероятно потому, что в Преображенском соборе он являлся непременным атрибутом церковной службы. А кроме того, не будем забывать, что граф Остерман-Толстой покинул Россию в 1834 г. и ненавидел императора Николая I настолько, насколько преклонялся перед благоволившим ему Александром I. Кстати сказать, на упомянутой выставке не было ни одного портрета Александра Ивановича, если не считать его фигуры на миниатюрной копии его несохранившегося надгробья. Да и его перезахоронение на Рязанщине в 1857 г. прошло незамеченным, хотя он был полным генералом, генерал-адъютантом, графом, шефом лейб-гвардейского Павловского полка наравне с членами императорской фамилии.

К большому сожалению, сегодня в экспозиции Музея Отечественной войны 1812 года кубок представлен без крышки, изъятой из фон-

дов Государственного Исторического музея в советское время. Кубок, тоже подлежавший изъятию, удалось сохранить обманным путем, пожертвовав крышкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 года. СПб., 1840. Ч. 1. С. 361–362.

² История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1888. Т. III, ч. 1. С. 113–116.

³ Платонова Н. Г. Подарок чешских женщин герою Кульмского сражения // Ежегодник ГИМ, 1960 г. М., 1962. С. 86–90.